

По мере того как всё больше людей начинали докапываться до правды, имя Линь Цинтяня всё чаще всплывало в разговорах.

В конце концов, когда-то он был настоящей звездой школы — человеком, о котором говорил весь кампус. В Хайцзине его знали многие, а значит, и слухи о нём вызывали особенно живой интерес.

И всё это — из-за одного единственного имени: «Цинтянь», прозвучавшего в том видео.

При этой мысли Линь Цинтянь невольно выкрутил громкость на максимум и поднёс телефон вплотную к уху. Он хотел расслышать — не оговорилась ли Чжэн Мэйлин по телефону, действительно ли с её губ сорвалось это имя... «Цинтянь».

Но, к сожалению, он находился на банкете. Вокруг стоял невыносимый шум. Даже на полной громкости разобрать слова было невозможно.

Зато рёв бензопилы — это жуткое, навязчивое «вжжжжж» — вибрацией отдавался прямо в ушах, почти оглушая его.

Он застыл с телефоном в руке, на мгновение потерявшись. Лишь спустя пару секунд, немного придя в себя, он понял — медлить нельзя. Первым делом нужно связаться с Ху Лэем.

«Абонент, которому вы звоните, временно недоступен...»

Линь Цинтянь слегка нахмурился. Он сбросил вызов и набрал номер снова.

Но результат был тем же — Ху Лэй всё ещё «разговаривал».

В сердце Линь Цинтяня закралось подозрение.

Он поднялся наверх, взял другой телефон — тот, которым раньше не пользовался, — и снова набрал номер Ху Лэя.

На этот раз соединение произошло почти мгновенно.

Из трубки донёсся его голос — усталый, слегка хриплый:

— Алло? Кто это?

За последние дни Линь Цинтянь получал удар за ударом. В груди у него клочкотала ярость, которую он едва сдерживал.

И этот бесполезный Ху Лэй, который провалил порученное дело, ещё и посмел игнорировать его звонки.

Лицо Линь Цинтяня исказилось от злости. Он почти не сомневался — всё дошло до такого состояния именно по вине Ху Лэя.

Он тихо усмехнулся в трубку — холодно, зловеще:

— Брат Лэй, вижу, ты очень занят... Даже дозвониться до тебя не получается.

Услышав его голос, Ху Лэй замер.

Он и представить не мог, что Линь Цинтянь позвонит с другого номера.

Теперь, слушая этот странно-язвительный, пропитанный скрытой угрозой тон, он мгновенно запаниковал:

— Цинтянь... Цинтянь-гэ... как... как ты...?

— Если бы я не сменил номер, боюсь, вообще не смог бы до тебя дозвониться, — холодно произнёс Линь Цинтянь.

Ху Лэй поспешно ответил:

— Цинтянь-гэ, не сердись на меня. У меня тут кое-что случилось... всё очень сложно, правда...

Линь Цинтянь тихо усмехнулся — в этом смехе не было ни капли тепла.

— Брат Лэй так занят — конечно, не отвечать на мои звонки вполне естественно. Это я неблагодарный, посмел сменить номер и побеспокоить тебя. Надеюсь, брат Лэй будет великодушен... и простит меня.

Ху Лэй с начальной школы был его человеком.

Все эти годы он жил, подчиняясь воле Линь Цинтяня, слушая каждое его слово, словно это было единственным правильным порядком вещей.

И теперь, когда его «старший брат» говорил с ним таким холодным, насмешливым тоном, Ху Лэй почувствовал, как внутри всё сжимается — от раздражения и унижения. Но привычка уступить оказалась сильнее.

Он лишь понизил голос и почти заискивающе произнёс:

— Цинтянь-гэ, не издевайся... Ты же знаешь, какой я человек. Я правда не специально...

Линь Цинтянь фыркнул.

— Хорошо. Тогда скажи, как ты собираешься всё это исправлять?

При мысли о том хаосе, что творился сейчас в сети, о бесчисленных фейковых аккаунтах, уже заблокированных один за другим, у Ху Лэя разболелась голова.

— Гэ... я правда сделал всё, что мог. Ситуация уже не в моей власти... такие вещи невозможно полностью контролировать...

Слушая его оправдания — и вспоминая, как тот игнорировал звонки, — Линь Цинтянь больше не мог сдерживаться.

Ярость, копившаяся в нём всё это время, вспыхнула мгновенно.

— Сейчас все обсуждают мою семью, а не твою! — взорвался он. — Какого чёрта ты тут разыгрываешь из себя жертву?! Или заставь их заткнуться, или убери тему из трендов, или

верни мне деньги! Я сам всё улажу. Выбирай!

Ху Лэй на мгновение потерял дар речи, но всё же сдержанно ответил:

— Гэ... ты же шутишь, да? Деньги за вывод в тренды уже потрачены. Я же их не присвоил...

— Заткнись! — взревел Линь Цинтянь. — Хватит нести эту херню! Жить надоело?!

Ху Лэй, которого впервые в жизни так откровенно унижали, тоже больше не смог проглатывать всё молча.

Особенно после того ада, через который он прошёл сегодня.

Его голос сорвался, в нём зазвенела сдерживаемая злость:

— Линь Цинтянь, хватит отчитывать на меня! Думаешь, только твоя семья понесла потери?! Я, по-твоему, в шоколаде?! Эти фейковые аккаунты и блогеры-миллионники — у них были деловые отношения с нашей компанией! Чтобы помочь тебе, мы всё это организовали — а теперь их всех разоблачили! Все винят меня! Самые большие потери — у меня, понял?!

Линь Цинтянь мгновенно уловил главное.

— «Деловые отношения»? — медленно повторил он. — Значит, всё это делалось через вашу компанию... одна шайка.

Ху Лэй даже рассмеялся — зло, с горечью.

— Да, у нас были деловые отношения. И они дали нам скидку. Ты правда думаешь, что твоих жалких нескольких сотен тысяч хватило бы на что-то серьёзное?!

Он почти выплюнул слова:

— Вывод в тренды не стоит копейки. И фейковые аккаунты тоже не бесплатны. Если бы не я, ты бы даже не знал, к кому обращаться! А теперь ещё смеешь выпендриваться?!

Линь Цинтянь застыл.

Он никогда не думал, что Ху Лэй однажды осмелится ответить ему в таком тоне.

Он уже открыл рот, чтобы оборвать его — но Ху Лэй не дал ему ни единого шанса.

Его голос сорвался на крик:

— Я носился ради тебя весь день! Связывался с людьми, искал пиарщиков! Я хоть копейку с тебя взял?! Нет! Я ещё и торговался ради тебя, договаривался, решал проблемы! Убил на это полдня — и что в итоге?! Ты ещё смеешь обвинять меня?!

Его дыхание стало тяжёлым.

— Ты просто нарвался не на того человека — и вместо того чтобы затаиться, продолжаешь лезть на рожон! Ты вообще понимаешь, с кем связался?!

Он почти прошипел:

— Этот «ZY, а не CY» — ты хоть представляешь, кто он такой?! Он вскрыл всех моих фейков и всех блогеров, с которыми мы работали! А теперь ещё эта кампания по очистке интернета — власти больше всего ненавидят тех, кто разжигает скандалы! Мы попали прямо под раздачу, ты это понимаешь?!

Его голос дрогнул — впервые в нём прозвучало настоящее бессилие.

— Теперь все требуют с меня компенсацию. Это компания моего отца, не моя! Меня дома уже смешали с грязью! А теперь я ещё должен унижаться перед тобой?!

Он стиснул зубы, каждое слово сочилось накопленной болью:

— Даже у глиняной куклы есть предел терпения. Не смей больше обращаться со мной так, будто я — никто.

Ху Лэй всё больше распалялся. Его голос срывался на яростный крик:

— Да я вообще не видел таких идиотов, как ты! За один грёбанный день — купил фейков, купил тренды, и меньше чем за шесть часов решил полностью уничтожить репутацию Линь Сюэцэ! Ты что, всех за дураков держишь?!

Он не останавливался, слова летели, словно удары:

— Люди вообще не знали, кто такой Линь Сюэцэ! Ещё не успели запомнить его имя — и вдруг сразу куча грязных постов против него! Да тут любой заподозрит, что дело нечисто! Пользователи — люди, а не ослы! Если бы ими было так легко манипулировать, если бы они слепо шли туда, куда им скажут, думаешь, я бы зависел от тебя?! У меня самого тысячи фейковых аккаунтов! Я бы уже давно стал королём интернета, чёрт побери!

Выплеснув всё, что копилось внутри, Ху Лэй наконец почувствовал облегчение.

Он схватил стакан ледяной воды и залпом осушил его. Холод обжёг горло, помогая остудить разгорячённую голову. Постепенно разум вернулся на место.

Он был уверен, что Линь Цинтянь уже давно сбросил вызов.

Но, опустив взгляд на экран, он замер.

Связь всё ещё продолжалась.

На другом конце линии стояла тишина.

Ни звука.

Невозможно было понять — слушает ли он всё ещё... или просто молчит.

После вспышки гнева Ху Лэй начал приходить в себя. И теперь, глядя на экран и слушая эту давящую тишину, он вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он знал Линь Цинтяня слишком давно.

Ещё с детства.

И слишком хорошо понимал, на что тот способен.

Этот человек...

Как бы это сказать...

Словно был благословлён самой судьбой.

Все эти годы Ху Лэй наблюдал, как Линь Цинтянь шаг за шагом поднимается всё выше. Что бы он ни делал — всё складывалось в его пользу. Даже самые неблагоприятные обстоятельства в его руках каким-то образом оборачивались удачей.

И уж тем более...

Девушки.

Словно околдованные, они сами тянулись к нему.

Любая, на кого он обращал внимание, в конце концов оказывалась в его власти.

Именно поэтому Ху Лэй — избалованный сын богатой семьи — добровольно стал его человеком. Следовал за ним. Верил в него.

Но сейчас...

Остыв, он прочистил горло и осторожно произнёс:

— Цинтянь-гэ... ты тут?

На самом деле Линь Цинтянь был уже на грани.

Лицо его стало пепельно-бледным, перед глазами темнело. Ещё шаг — и его мог бы свалить сердечный приступ.

То, что его «подчинённый» осмелился так унижить его, было не просто оскорблением.

Это было клеймом.

Но именно в такие моменты он становился особенно холодным.

Особенно собранным.

Потому что сейчас главная проблема была не Ху Лэй.

А то, что вся семья Линь оказалась под пристальным вниманием интернета. Их прошлое вскрывали, словно рану, и каждый новый факт становился оружием против них.

По сравнению с этим Ху Лэй был всего лишь инструментом.

И, как бы это ни было неприятно признавать, в вопросах интернета Ху Лэй разбирался лучше него.

А значит...

Ему всё ещё нужен был этот человек.

Услышав, что голос Ху Лэй вернулся к нормальному тону, Линь Цинтянь медленно произнёс:

— Я слушаю.

Ху Лэй на мгновение растерялся.

Он только что обрушил на него поток оскорблений — а в ответ не получил ни одного удара.

Это даже вызвало у него странное чувство вины.

Он помолчал, затем тяжело вздохнул и сказал:

— Цинтянь-гэ... боюсь, это дело так просто не уладить. Даже если потратить сотни тысяч — или миллионы — убрать тему из трендов не получится. Сейчас обсуждение на пике. Платформе нужен трафик. Это уже не вопрос денег.

Он сделал паузу.

А затем тихо добавил:

— Если ты всё ещё доверяешь мне... ответь на один вопрос.

Его голос стал серьёзным.

— Твои родители... все эти годы знали, что Линь Сюэцэ — не их родной сын?

На такой вопрос Линь Цинтянь, разумеется, не собирался отвечать честно.

Он сразу же сказал:

— Конечно, они ничего не знали. Да, Линь Сюэцэ дебютировал в пять лет, но мои родители взяли его к себе задолго до того, как он стал детской звездой. Тогда никто и представить не мог, что он попадёт в индустрию развлечений и начнёт зарабатывать деньги. После того как он ушёл из шоу-бизнеса в средней школе, он продолжал жить в семье Линь... пока они не нашли меня. Только тогда правда всплыла наружу. Оказалось, мои родители восемнадцать лет растили чужого сына.

Ху Лэй заметно расслабился:

— Тогда хорошо... очень хорошо.

Он помолчал и продолжил, уже более серьёзно:

— Мы купили столько фейковых аккаунтов, столько трендов — тема уже набрала обороты. Только вот записи транзакций выложили в сеть... и теперь всё это не сыграло на руку. Сейчас

не только на Weibo — в Douyin, на Bilibili, везде это обсуждают.

Он вздохнул.

— Если честно... дело очень щекотливое. В лучшем случае это просто семейный конфликт. Но сейчас многие подозревают вашу семью... в похищении ребёнка. И даже в жестоком обращении с ним...

— Они никого не похищали и не издевались над ним! — процедил Линь Цинтянь сквозь зубы.

— Я знаю, — поспешно сказал Ху Лэй. — Но пользователи этого не знают.

Он сделал паузу и добавил:

— Государство сейчас очень жёстко реагирует на искусственное раздувание скандалов. И особенно серьёзно относится к вопросам защиты детей. Несколько дней назад мужа Чжун Цинлин — Чэнь Сянхуэя — уже вызвали в полицию из-за подозрений в домашнем насилии и издевательствах над ребёнком.

Его голос стал напряжённым:

— Мы сейчас буквально под прицелом. Пока всё не стало ещё хуже... лучше немедленно извиниться. Признать ошибку и склонить голову.

Линь Цинтянь нахмурился:

— Ты хочешь, чтобы я выступил с заявлением?

— Нет. Конечно, не ты, — ответил Ху Лэй. — То видео уже оказало огромное влияние. Люди из съёмочной группы уже извинились... все, кроме твоей матери. Чжэн Мэйлин до сих пор не сделала ни одного заявления...

Он понизил голос:

— И теперь все ждут именно её.

Когда звонок закончился, Линь Цинтянь снова зашёл в интернет.

Десятки тысяч людей одновременно следили за развитием событий. Всё происходило гораздо быстрее, чем он мог себе представить.

Одни анализировали аудио и видео, пытаясь доказать, что Чжэн Мэйлин действительно произнесла имя «Цинтянь».

Другие нападали на съёмочную группу.

Третьи раскапывали историю семьи Линь — как они разбогатели.

Четвёртые поднимали старые архивы, вспоминая детскую карьеру Линь Сюэцэ.

А некоторые...

Уже превратили лицо Чжэн Мэйлин из того видео в абсурдный, извращённый «демонический» монтаж — гуйчу.

Видео с Линь Сюэцэ и У Гум, которое Линь Цинтянь и Ху Лэй специально заказали, злонамеренно смонтировали и продвинули за огромные деньги, едва набрало сто тысяч просмотров.

А вот гуйчу-видео с Чжэн Мэйлин...

Менее чем за два часа уже превысило пятьсот тысяч.

Глядя на бурю, развернувшуюся в сети, Линь Цинтянь на мгновение почувствовал, будто его мир рушится.

Они хотели объявить о наследнике.

Хотели, чтобы Линь Сюэцэ и У Гуй стали лишь бледным фоном, подчёркивающим величие семьи Линь.

Но в итоге главными фигурами вечера стали именно У Гуй и Линь Сюэцэ.

А семья Линь... превратилась в жалких статистов.

Он хотел с помощью унижительного монтажа вызвать у людей отвращение к Линь Сюэцэ.

Но теперь именно Чжэн Мэйлин — с её искажённым от злобы лицом — стала объектом всеобщего презрения.

Он хотел «похоронить» Линь Сюэцэ, выведя скандал в тренды.

А в итоге...

На виртуальном алтаре оказалась принесена в жертву вся семья Линь.

Что это вообще за проклятый день такой?

Неужели возможно было так «удачно» спланировать празднование Дня рождения в настолько несчастливый день?..

<http://bllate.org/book/14966/1505747>